

Картонный меч

Горовенко Андрей. *Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах*. СПб: Дмитрий Буланин, 2011, 480 с., илл.

Признание величия, неизмеримого мерой хорошего и дурного, есть только признание своей ничтожности и неизмеримой малости.

Лев Толстой. *Война и мир*.

История любит мерзавцев. Она, конечно, любит кровавых злодеев больше, но если эпоха бедна на масштабные личности, роль героев исполняют и бесы помельче. Неиссякающий поток работ о Романах Мстиславиче, князе волынском и галицком, тому подтверждением. Обаяние, которое испытывают историки — люди тихой и негероической профессии — от созерцания деяний *буйного* Романа и ему подобных персонажей, на первый взгляд загадочно, но, может, в рамках других дисциплин и находит объяснение.

Чем матери-истории оказался так дорог один из десятков провинциальных князей Руси, что количеством биографий может поспорить с Владимиром Мономахом? Роман не был князем-просветителем, как Ярослав; не был князем-строителем, и ни одним выдающимся «памятником архитектуры» мы ему не обязаны; он не был последовательным «защитником Руси», как Мономах; не был «философом» и книжником, как его внук Владимир Василькович; не был даже великим завоевателем: единственная безусловная победа состоялась помимо его воли, когда князь был ребенком и едва ли осознавал происходящее. Кем Роман действительно был, так это многолетним возмутителем спокойствия на юге Руси, интриганом и скандалистом. Быть может, больше иных Роман способствовал падению авторитета Киева и центральной власти на Руси, то есть той самой «феодальной анархии», которую так согласно осуждают историки.

Сомнительны и душевные качества героя. Роман был человеком импульсивным и малопредсказуемым, жестоким и неблагодарным. Корыстный интерес, похоже, был главным мотивом поведения Романа, перед которым отступали родственные чувства, лояльности, благодарность. Однако это — впечатление, возникающее из чтения источников (как полагают, враждебных Роману). Да к тому же суждение оценочное, следовательно субъективное. То, что одному представляется беспринципностью, для иного — продуманная государственная политика. Но нужно сказать, что не существует средневеко-

вых текстов, на основании показаний которых можно было бы выстроить положительный образ Романа. Только *Галицко-Волынская летопись* (написанная по заказу сына Даниила) похвалила князя, но своеобразно — сравнил его свирепость с крокодилей.

В чем же источник притягательности такого персонажа?

Трудно сомневаться, что решающую роль здесь непреднамеренно сыграл современник Романа польский хронист Винцентий Кадлубек. Он, как известно, оставил леденящее душу описание князя как двуличного тирана, коварного интригана, да к тому же еще и патологического садиста, с удовольствием измышлявшего изощренные формы казней для своих противников. Эту характеристику в XV в. дословно повторил, и еще усилил, Ян Длугош, настаивавший, что в этом князе, кроме человеческого облика, не было ничего человеческого. В эпоху Ренессанса тиран становится фигурой интригующей, и все польские хронисты XVI в. не упускают случая ужаснуть своего читателя описанием зверств безумного садиста (у Мацея Стрыйковского соответствующий раздел так и озаглавлен: «О тиранстве Романа»). Собственно, именно непостижимой природой его жестокости и непредсказуемостью поведения объясняет польская хронография возвышение князя: он внушал ужас и тем парализовал сопротивление, изгоняя князей из их владений, отнимая имущество, убивая. Словом, Роман — иное воплощение Грозного царя Иоанна. И, надо думать, притягательность обоих для историков — одной природы.

Под влиянием почерпнутого из польской хронографии образа Романа российский историк первой половины XVIII в. Василий Татищев сочинил несколько мистификаций: проект государственного переустройства Руси, якобы предложенный Романом; сообщение о посольстве папы римского с предложением Роману королевской короны и обещанием помощи от меча св. Петра; наконец, панегирик князю с описанием его государственных заслуг. Благодаря Татищеву Роман Мстиславич вошел в российскую историографию с довольно приличной репутацией.

Особое место занял Роман Мстиславич в нарративе украинской истории. В ходе одной из своих интриг в 1199 году он захватил и ненадолго присоединил к своей Волыни Галицию. Это эфемерное образование, просуществовавшее неполных шесть лет и рассыпавшееся в пыль после смерти Романа, украинская традиция, начиная с XIX века, числит первым собственно украинским государством. Мифологизация «Галицко-Волынского государства» не могла не привести и к мифологизации образа его отца-основателя, не в силу случайности оказавшегося на галицком столе, но шедшего к задаче создания нового государственного образования последовательно, а, следовательно, приуготовленного к этой миссии всем предыдущим опытом. В свете такого знания биография князя начинает представляться значительной, а его поступки — исполненными глубинного смысла, даже если этот смысл поначалу ускользает от наблюдателя. Биография превращается в житие, портрет — в икону.

Словом, Роман Мстиславич, как он видится современным историкам, в гораздо меньшей степени принадлежит критической науке, чем исторической мифологии и идеологии.

Книга российского автора А. Горovenko «Меч Романа Галицкого» оказывается вкладом во все три раздела знания. Она и состоит из трех частей. В первой из них — «Жизнеописание Романа Мстиславича» (с. 5–153) — автор предлагает биографию князя. Здесь, по собственному признанию, он уподоблял свой труд работе реставраторов, «расчищающих наши древние иконы». Результат, впрочем, разочаровал самого Горovenko: «Образ могучего галицко-волынського князя, изначально очень яркий в свете многочисленных историографических легенд, в результате их последовательного удаления изрядно потускнел и лишился большей части своего обаяния» (с. 4). На этом бы и закончить книгу, раз герой не оправдал надежд. Но автор полагает, что тем самым он только заинтриговал читателя. «Тем интереснее, — уверяет он, — будет для читателя вторая часть книги» — «Как рождаются, живут и не умирают легенды» (с. 153–368), — где находим разнообразные источниковедческие экскурсы: Роман Мстиславич в летописях, в хронике Кадлубка, в *Истории российской* В.Н. Татищева и даже в книгах Б.А. Рыбакова. И уже только для «любопытного читателя» предназначены «Дополнения» (общим числом семь) (с. 371–434), последнее из которых целиком посвящено автору этих строк. Моя «любопытность», разумеется, была гарантирована до самого конца книги.

Как видим, структура книги необычна. Поскольку процедурно источниковедение всегда предшествует синтезу, ожидалось бы, что «очищенная» и критически выверенная биография Романа Мстиславича будет венчать исследование. Но автор рассудил здраво: рыхлый набор источниковедческих отступлений мог бы стать труднопреодолимым барьером для большинства читателей. Напротив, биография героя обладает и сюжетом, и темпом, и интригой.

Одна беда: среди исторических персонажей домонгольского времени уже давно не осталось тех, чьи биографии были бы неизвестны. Даже о князьях, так сказать, из второй шеренги собраны все возможные сведения. Подобные же Роману Мстиславичу — рассмотрены под микроскопом. Предложить совершенно неизвестные обстоятельства жизни или новые свидетельства источников, увы, уже не удастся. Каждое последующее «жизнеописание», следовательно, превращается в комментирование предшествующих жизнеописаний. Где-то уточнить, где-то возразить, что-то подправить. Сравнительно с уже известным, это оказывается довольно скромным вкладом, но многие исследователи честно указывают на пропорции.

В сущности, таково «жизнеописание» Романа и в рецензируемой книге. Все, что мы положительно знали о Романи, остается «на месте». Все, что считалось неизвестным (например, такие важнейшие биографические вехи,

как год рождения Романа, даты его двух браков, имя второй жены и т.д.), таковым же остается и после прочтения. Но автор, похоже, другого мнения о своем труде.

Мы не имели удовольствия читать предыдущие опыты А. Горovenко в древнерусской истории, слышать его доклады, следить за его восхождением к высотам науки. Это человек, как сейчас сказали бы, без кредитной истории. Тем поразительнее достижение – сразу книга, «потрясение основ» и тон человека, ощущающего за собой право на нелицеприятное суждение о тех, кто трудился до него.

Как и вся книга, первый раздел написан бойко, даже размашисто. Автор не оглядывается на своих предшественников, а к тем, кого все-таки упоминает, — строг, находя для них, как правило, только слова укоризны за просчеты и ошибки. Поскольку никакого историографического введения книге не предпослано, у читателя может сложиться впечатление, будто А. Горovenко — первопроходец, впервые добывающий на свет божий даты, имена, обстоятельства, или впервые укладывающий их в связный рассказ о Ромane. Без смущения он определяет свое место в историографии как «серьезного историка» сравнительно с «некоторыми» и «другими» (с. 83–84), писавшими до него. Самоуверенная поза могла бы смениться более смиренной, когда б автор знал, что большая часть работы уже проделана до него. И если не все предыдущие опыты биографий Романа можно бестрепетно рекомендовать (но знать все равно нужно, как, например, книгу А.Б. Головки¹), то другие — например, две книги Дариуша Домбровского² — убедили бы А. Горovenко, что он идет хорошо разведанной дорогой, где уже расставлены вехи и указатели. Если бы А. Горovenко пришло в голову отмечать примечаниями не только промахи, но и верные суждения предшественников, обнаружилось бы, что его «исследование» — не более чем компиляция из наблюдений, суждений и гипотез, высказанных в предыдущей литературе.

Впрочем, автор, кажется, искренен в своем неведении. Он действительно зачастую не знает, что наблюдение, преподносимое им как новое, уже сделано и опубликовано. Виной тому — своеобразное отношение к литературе вопроса. А. Горovenко предпочитает работы, изданные на русском языке, избегая всех других, которыми (судя по орфографическим ошибкам в названиях, например, польских или украинских публикаций) владеет недостаточно хорошо. Иногда он даже проговаривается. Так, он сетует, что одно из исследований

1 Головка О.Б. *Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття*. К., 2001.

2 Dariusz Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* [Biblioteka Genealogiczna, pod red. Marka Górnego, t. 6] (Poznań, Wrocław, 2002); Dariusz Dąbrowski, *Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)* (Kraków, 2008). В первой книге А. Горovenко нашел бы детальную и критически выверенную (с учетом всей предшествующей литературы) биограмму Романа (с. 23–44). Во второй книге он обнаружил бы, например, биограммы Святослава, Романа, Всеволода и Владимира Мстиславичей (с. 248–276).

М.С. Грушевського було «издано за границей и к тому же на украинском языке», а факсимильное издание *Хлебниковского* списка «вышло, к сожалению, за рубежом» (с. 197). Почему нужно сожалеть об издании книг за пределами России, автор не поясняет, да мы бы и не поняли. Но, похоже, А. Горовенко полагает, что факт публикации работы «за границей» освобождает российско-го историка от необходимости знакомится с ее содержанием. Как увидим ниже, это еще не раз позволит А. Горовенко украсить свою книгу открытиями.

Внимательный читатель книги обнаружит, что А. Горовенко гораздо лучше ориентируется в текстах, чем в реалиях XII в., совершая порой очевидные промахи. Так, например, он говорит о полученной отцом Романа компенсации «в виде трех незначительных городов на правобережье Днепра» (с. 9). Только справившись с примечаниями в конце раздела, читатель узнает, что ими оказываются Торческ, Белгород и Треполь (позднее замененный на Канев). То, что на современной карте выглядит незначительным, в реалиях Южной Руси представляло собой важнейшие города Киевской земли и наиболее богатые волости, чрезвычайно ценимые князьями. Достаточно сказать, что в пределах владений Мстислава оказывалось два епископских центра — Белгород и Канев, — а Торческий был центром так называемого «Черного клобука», населенного полукучевыми федератами киевских князей, поддержка которых не раз решала судьбу киевского стола. Помимо идеологического и военного значения, «Поросье» было еще и наиболее доходной частью владений киевского князя. Летопись называет эти города «волость лепшая» в Киевской земле. Это та самая волость (Торческий, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев), из-за которой разгорится скандал между Рюриком Ростиславичем и Романом в 1195 г. Вспомним, что ради только части этой волости — одного Торческого — променял Мстислав Мстиславич весь Галич в 1220-х гг.

Вопреки обещанию быть историком строгим и «серьезным», автор местами впадает в патетику самого дурного вкуса. Вот несколько наугад выписанных примеров:

Легко представить [курсив всюду мой — А.Т.], как юный Роман, проведая о цели посольства, грезил Новгородом и с каким трепетом ждал решения своего (sic!) отца (с. 10);

Приходится домысливать, каковы были в тот день впечатления нашего героя: звуки боевых труб, хлопающие на февральском ветру стяги, лязг железа, треск ломающихся копий, хруст снега, взметаемого конскими копытами... (с. 16);

Тридцать лет и три года — как в сказке — минуло с того дня, когда Роман юным княжичем покинул это средоточие власти [...] И вот теперь, после долгого и многотрудного жизненного пути, судьба подарила ему счастливый миг полного торжества [...] (с. 88);

В особенности поразительно звучит следующий пассаж:

Здесь летописец умолкает, но мы все-таки попробуем представить себе, что было дальше: радостный гомон запрудившей главные улицы толпы, благодарственный молебен в Софийском соборе, торжественный выход князя, окруженного боярами и духовенством... Потом — неспешная поездка по городу под колокольный звон [...] (с. 87).

Если позволительно домысливать там, где умолкает летописец, что что же недозволенного, например, в высмеянной автором («разного рода фантазии», с. 84) гипотезе Иеронима Грали (впрочем, известной А. Горovenko лишь в пересказе Н.И. Щавелевой) о происхождении Романовой из византийского семейства Каматиров? Тем более, что и сам А. Горovenko уверен в ее византийском происхождении, «домысливая», будто известное посольство Романа в Константинополь 1200 г. (о целях которого ничего не известно) было направлено именно ради сватовства³. Если домысливать приходится даже самому А. Горovenko, то почему нужно строго судить других авторов, также домысливавших там, где молчали их скудные источники? Иронизируя в ином месте над склонностью историков к построению серий гипотетических умозаключений («Происходит всякий раз одно и то же. Механизм поиска причинно-следственных связей подключает воображение, которое услужливо *выстраивает примерно такую цепочку* домыслов», с. 163), себе А. Горovenko, разумеется, позволяет тот же прием без всяких ограничений: «*Выстраивается следующая цепочка* событий [...] Отсюда можно вывести, что [...]» (с. 86). Но мы, конечно, осознаем пропасть, отделяющую умозаключения А. Горovenko от домыслов других исследователей. И когда мы, например, читаем, что невеста Романа Мстиславича была не только «самого знатного происхождения», но еще и «молода и красива» (с. 83), мы понимаем, что здесь обошлось без «подключения воображения».

Всякий писатель невольно проникается симпатией к своему герою, и «жизнеописание» в значительной степени оказывается апологией. Герои, однако, попадают разные: одни нуждаются в оправдании больше, другие меньше. Роман Мстиславич — из тех, кто без сознательных попыток обелить его образ, оказывается существом малопривлекательным. Но книга Горovenko доказывает, что можно полюбить и такого.

3 Кроме сватовства, предполагает А. Горovenko, посольство имело еще одну миссию: добиться развода для Романа, а подкреплять эту просьбу должно было обещание военной помощи против половцев. Забрасывая сеть так широко, где-нибудь да и угадаешь, разумеется. Но важно помнить, что все три задачи (в каком бы порядке не выполняло их посольство: сначала сосватать, а потом развести, или наоборот) — воображаемые. О посольстве мы знаем из случайной ремарки Добрыни Ядрейковича, отметившего только имена послов и дату, когда он встретил их в Константинополе.

Писатель, работающий с биографией известной личности (где все события и обстоятельства давно известны), располагает, в сущности, только одним приемом: трактовать неблагоприятные поступки всякий раз к пользе своего героя. Так, например, когда из Галича бежали сын и жена Ярослава Владимировича, оскорбленные его открытым романом с Настасьей, их принял и предоставил убежище брат Романа Святослав, князь белзкий. Этот естественный поступок А. Горовенко определяет как глупость: следствие молодости и неискушенности князя, за что тот предсказуемо и поплатился (с. 32)⁴. Такую же «ошибку», как полагает А. Горовенко, совершил вскоре и Ярослав луцкий, и тоже был заслуженно наказан (с. 33). А вот когда несколько лет спустя в совершенно аналогичной ситуации в убежище Владимиру Ярославичу отказал Роман, это оказалось проявлением державной мудрости, благодаря которой он счастливо избежал «бесцельной» войны с могущественным соседом (с. 39).

Другой пример: знаменитый эпизод 1195 г., когда Всеволоду Юрьевичу была передана волость Романа. Последовательность событий такова. Всеволод потребовал себе волости в Руской земле, и не какой-нибудь, но именно той «лепшей», что была предоставлена Рюриком зятю Роману (знакомые нам «незначительные города» на «Правобережье»). Дело дошло почти до войны, и Рюрик был вынужден просить Романа отступить. Когда же оказалось, что один из пяти городов — Торческий — Всеволод, уже от себя, передал сыну Рюрика и своему зятю Ростиславу, Роман возмутился. Его собственное (переданное летописью) понимание произошедшего поражает какой-то шизофренической логикой: якобы Рюрик с самого начала все задумал так, чтобы отдать его, Романа, волость собственному сыну. Роман тут же начал переговоры с черниговскими Ольговичами, суля Ярославу Всеволодовичу старейшинство и предлагая изгнать Рюрика из Киева. В своей трактовке событий А. Горовенко следует давно устоявшейся традиции понимать дело как многоходовую интригу Всеволода, пытавшегося разрушить союз Рюрика Ростиславича и Романа. С юности проявлявший столько государственной мудрости, в этот раз Роман якобы простодушно «попался на удочку коварного владими́ро-суздальского князя»: «В самом деле — легко было подумать, что Рюрик [...] обманом выманил у него уступленную волость, чтобы наделить ею собственного сына, лицемерно ссылаясь в оправдание своих действий на волю старшего в роде, Всеволода» (с. 69). Даже паранойю героя, оказывается, можно разделять и оправдывать.

4 К слову сказать, эти наивность и неопытность Святослава (якобы побудившие его на доброе дело) существуют только в изложении А. Горовенко. Помощь была не бескорыстной: Владимир Ярославич обещал Святославу вернуть Бужск и еще «придать» три города. За это Святослав предоставил Владимиру Червен, из которого, как утверждал галицкий княжич, удобно интриговать против отца («ту сѣдачи добро слати в Галичь») (*ИСР/Т* 2: 564).

В одних и тех же ситуациях А. Горovenко понуждает Романа быть то прощательным, то наивным; то расчетливым, то безрассудным. Одним из непредвиденных следствий подобной повествовательной стратегии оказывается то, что Роман демонстрирует все признаки раздвоения личности. И здесь, быть может, А. Горovenко невольно угадал⁵.

Однако, в случае Романа Мстиславича одних литературных приемов оказывается недостаточно для оправдания. Поскольку все без исключения источники изображают князя в неприглядном виде, а иные — даже и чудовищем, наиболее действенной апологией героя оказывается дискредитация источников.

Этому, в значительной степени, посвящена вторая часть книги А. Горovenко. Ее первая глава — «Образ врага: русский князь глазами католического епископа» (с. 155–166) — объясняет нам, почему не стоит доверять мнению о Ромane магистра Винцентия. Подсказка содержится уже в ее названии. В самом деле, что хорошего можно разглядеть глазами *католического* епископа в *русском* князе? Но А. Горovenко предлагает и несколько дополнительных соображений. Во-первых, хроника была написана Винцентием не по свежим следам событий, но через много лет после смерти Романа. Отсюда следует «неутешительный вывод»: «Временной интервал между историческими событиями и занесением рассказа о них на пергамент был очень велик» (с. 156). Согласимся, с течением времени очертания событий становятся менее отчетливыми. Но почему с увеличением временной дистанции непременно возрастает эмоциональность их восприятия? На это А. Горovenко отвечает так.

Магистр Винцентий писал свою хронику в те времена, когда Мстислав Мстиславич уже прочно утвердился в Галиче и содействовал молодым Романовичам. Тем самым было ликвидировано польское влияние на Волыни. «Наблюдая за этими событиями из своей монашеской келии, бывший епископ Краковский злобствовал и мечтал о мести. Отомстить же в его новом положении можно было лишь одним способом — на бумаге» (с. 157)⁶. Разу-

5 Склонный к беллетризации истории А. Горovenко, как кажется, упустил случай совершенно положительно объяснить странности поведения и характера князя. Магистр Винцентий сообщает (IV, 14), что мать Романа Агнешка публично утверждала, будто старший из ее сыновей — ей не родной. Он якобы был «подложен, когда не было надежды на потомство». Правда, исследователи этим сыном считают другого Мстиславича, но можно было бы воспользоваться рецептом А. Горovenко: *приходится домысливать*. Психический разлад объяснялся бы детскими травмами и комплексами.

6 В чем причина такой жгучей обиды Винцентия за своих покровителей именно в 1223 г., когда он предположительно пишет о Ромane, неясно. Напротив, *Галицко-Волынская летопись* сообщает, что незадолго до того Лешко заключил мир с Даниилом и Васильком («створи мирь Лесть⁵ с Даниломъ и Василкомъ . Держиславомъ . Абрамовиче⁶ . и Творьано⁶ Вотиховичемъ . а Романовича створиста мирь Демьяномъ . тысяцькымъ» (ПСРЛ 2: 739)), оказавшийся прочным: когда пару лет спустя у Даниила опять возникли сложности с Александром белзким, «Данилови жи поѣхавшу в Ляхы . и возведшо княза Льстка» (ПСРЛ 2: 745).

меется, бумага, в отличие от пергамента, стерпит все. В результате, настаивает А. Горovenко, «тенденциозность польского хрониста доходит до степени почти комической. Роман представлен бессильным интриганом, согласным на любые условия [...]» (с. 159).

Что магистр Винцентий мог быть тенденциозен, и, вероятно, был, отрицать нельзя. Что хронист старался возможно лучше представить своих патронов, Казимира и его сыновей, также очевидно. Но почему он избрал на роль исчадия ада их ближайшего родственника, даже «наставника»? Отметим цикличность аргументации А. Горovenко: Кадлубек тенденциозен, это следует из того, что изображает он Романа неприглядно; а изображает его неприглядно, потому что очевидно тенденциозен. Разорвать этот порочный круг мог бы другой — достоверный и надежный — источник, где Роман изображался бы в подлинном, выгодном свете, и на фоне которого очевидно проступала бы тенденциозность Кадлубка. Но такого источника нет. В *Киевской летописи* Роман — такой же «бессильный интриган, согласный на любые условия»⁷. Впрочем, *Киевскую летопись* А. Горovenко также считает тенденциозной, но, к нашему удивлению, по совершенно противоположным основаниям: она современна событиям (завершена в 1198 г.), ее автор «был верным и преданным слугой Ростиславичей», а потому «мы почти все время вынуждены смотреть на Романа глазами его недоброжелателей» (с. 40)⁸. Но если глаза «католического епископа» видят то же, что и глаза «православного игумена», может, дело не в зрении, а в предмете наблюдений?

В главе, преподнесенной как источниковедческая, собственно источниковедения практически нет. Нельзя же считать текстологическим инструментом мистическое знание о том, как злобствовал Кадлубек в своей келии. Да и трудно ожидать иного: исследования хроники Кадлубка, как можно судить по ссылкам А. Горovenко, известны ему только в объеме комментариев к русскому переводу.

7 Вот пример. Рассорившись с Рюриком в 1195 г. и попытавшись свергнуть его с киевского стола, Роман отправляется в Польшу. Потерпев там сокрушительное поражение от Мешко, он шлет покаянные письма Рюрику («ѡтолѣ же посоль свои посла к Рюрикови ко тѣстю своему . кланася емоу и моласа . и покладываѣ на собѣ всю виноу свою») и митрополиту Никифору («к митрополиту сласа к Никифоруу . вела емоу ш себе молитиса . и кланатиса . ш вси винѣ своеи . да бы и приалѣ к собѣ и гнѣва ѡдалѣ бы емоу») (*ПСРЛ* 2: 687). Получив прощение и оправившись, Роман на следующий же год «пославъ люди своѣ . воевать волость Рюриковуу . и Двѣоу помогаѣа Улговичемъ . на чем же башеть к нимъ и крѣть целоваль . штаи тести своеѣ» (*ПСРЛ* 2: 696–697). Летописец морализаторствует: «а к тѣсти своему Рюрикови . крѣть башеть целоваль передь тѣмъ . како са емоу Улговичъ . боле того лишити . а въ его волѣ быти и зрѣти на нь . Рюрикъ же башеть и гнѣва емоу ѡдалѣ . Никифоромъ митрополитомъ Киевскимъ . и Полону емоу далѣ . има емоу вѣры по крестьномуу целованию» (*ПСРЛ* 2: 697).

8 Кстати, «современность» *Киевской летописи* неочевидна и вытекает из только из привычки датировать ее составление последним годом, проставленным в тексте. Поскольку в *Киевской летописи* есть несомненные заимствования из «свода 1212 г.» (отраженного в *Лаврентьевской летописи*), ее завершение очевидно не могло состояться раньше этого времени (см.: Толочко А.П. О времени создания Киевского свода «1200 г.» *Ruthenica* V (2006), 73–87). Но мы уже знаем, что было бы несправедливостью требовать от А. Горovenко знания литературы.

Остается, однако, самое важное из обвинений Кадлубка: описание невероятных зверств Романа в Галиче. Каталог, действительно, впечатляет: Роман закапывал людей живьем, разрывал на части, сдирал с живых кожу, вырывал у еще живых внутренности и изобретал другие «немыслимые казни». Кадлубек не питал никаких симпатий к Роману. Он писал после 1205 г., под впечатлением вероломного похода Романа на Лешка, и в свете этого знания оценивал опрочечивость своего патрона: Роман отплатил черной неблагодарностью за помощь, оказанную ему при захвате Галича. Но даже в рамках такой «тенденциозности» описание зверств выглядит чрезмерным, обязательным и не вытекающим непосредственно из повествовательных задач хрониста. Именно эта немотивированность заставляла многих комментаторов Кадлубка предполагать, что в его описании сохранился какой-то отголосок действительных событий.

Но А. Горovenко решительно отмечает такую возможность и опровержению Кадлубка посвящает специальную главу «Зверства Романа в Галиче: исторический факт или историографический миф?» (с. 167–190). Ничего «исторического», настаивает автор, в сообщении Кадлубка нет. Каковы могли бы быть стратегии автора в рамках критики текста? Можно было бы выяснить компонент литературности, попытавшись отыскать среди обширной лектуры Кадлубка прообразы или даже прямые источники его описания. Если этого не удастся сделать, можно было бы полюбопытствовать, не укладывается ли характеристика Романа в некую серию однотипных, что выдавало бы литературный прием. В этом отношении А. Горovenко упустил весьма выигрышный для себя случай сравнить характеристику Романа с описанием нравов другого галицкого князя — Владимира Ярославича — в той же книге Кадлубка (IV, 15). Владимир также гадок и мелок, но по-другому⁹.

Вместо критики текста автор предлагает нам рассмотреть серию условно-категорических силлогизмов, доказывающих, по его мнению, совершенную фальшь известия Кадлубка. А. Горovenко воображает, какие могли бы быть последствия массовых казней и последовательно демонстрирует, что вообразенных им последствий не было. Следственно, не было и зверств.

Репрессии должны были привести к крайнему ожесточению галичан. Но Романа хоронят в Галиче, значит, ожесточения не было. Как, по мнению А. Горovenко, галичане должны были поступить с телом (надругаться? оставить непогребенным?), он не уточняет. Может, издевательства привели к эмиграции бояр? Но нет, в летописях не находим многочисленных известий

9 Впрочем, такое сравнение оказывалось бы оружием обоюдоострым. Кадлубек представляет Владимира человеком распущенным и сластолюбцем, не останавливающимся перед явным преступлением для удовлетворения своей похоти. Это, в общем, та же «слава», с которой Владимир остался известен и летописям (ср.: *ПСРЛ* 2: 660). Так что, вероятно, Кадлубек не измышлял совершенно произвольно, но развивал и доводил до гротеска ту репутацию князей, что бытовала в его время.

о беглых боярах, только имена двух Кормильчичей, значит, тем дело и ограничилось. Может быть, в Галиче после массовых казней вовсе не осталось боярства? Но галичане отбили наскок Рюрика Ростиславича, значит, бояре не были казнены. Недобрая слава отца неминуемо должна была распространиться и на его малолетних детей. Но первое время вдове Романа и его детям удастся оставаться в Галиче, следовательно, галичане вполне лояльно относились к Роману.

Силлогизмы построены неправильно. При том, что автор мнит себя знатоком логики¹⁰, он, вероятно, не знает, что при отрицающем модусе необходимо обеспечить полноту основания. Например, первое умозаключение было бы верным, если бы было известно, что «при озлоблении галичан князей никогда не хоронили в Галиче». А второе — если бы было доказано, что «при бегстве бояр из города известия о них всегда полно отражаются в летописи». И так далее по списку.

Проявив столько критического настроения, А. Горovenko неожиданно с полным доверием относится к сообщению о другой «кровавой бойне» — учиненной в Галиче сыновьями Игоря Святославича, — известной из *Галицко-Волынской летописи*. В этом случае он считает достоверным не только общий контур событий, но и поразительные детали известия, как, например, цифру в пятьсот убитых одним махом галицких бояр (с. 179)¹¹. Если бы А. Горovenko применил к этому сообщению свой обычный набор из двух источниковедческих приемов, он обнаружил бы, что известие галицкого летописца ничем не отличается от аналогичного у Кадлубка. Попробуем выполнить эту работу за А. Горovenko.

Во-первых, сообщение не современно событиям. Галицкая часть летописи была завершена в 1260-х гг., откуда следует, выражаясь словами А. Горovenko, «неутешительный вывод»: временной интервал между событием и записью гораздо больше, чем у Кадлубка. Во-вторых, испытанный аргумент «злоствующего в келии монаха» применим и здесь. Галицкая «летопись» — не достоверный документ, но, как и IV книга хроники Кадлубка, — апология одной из княжеских семей, Романовичей. Если мы вспомним, что именно Владимир и Роман Игоревичи отняли у Даниила и Василька Галич в 1206 г., и если мы не упустим из виду, что именно при новом вокняжении Даниила (и едва ли не при его участии) совершилось неслыханное — убийство князей (Игоревичи были повешены), то эпизод с невероятными жестокостями Иго-

10 Ср. упрек, брошенный одному из исследователей: «Здесь перед нами весьма любопытный (по своей очевидности) образчик презрения к логике: тезис не вытекает из основания. Однако логика — дама серьезная, и она не замедлила за себя отомстить» (с. 217).

11 Это место летописи, кстати сказать, не без проблем: в *Хлебниковском* списке (предпочитаемом, вслед за другими историками, и А. Горovenko) окончание фразы с цифрой 500 убитых отсутствует (*ПСРЛ* 2: 724, вар. 3–3). Это может быть, разумеется, и случайным пропуском, но странно, что такой строгий критик текста, как наш автор, даже не обратил внимания на это обстоятельство.

ревичей вполне можно рассматривать как «мечты о мести на бумаге» галицкого летописца¹².

Мы понимаем, почему именно в этом случае автор наступил на горло собственному критицизму: для того, чтобы сработал третий из приемов: еще один неправильно построенный силлогизм. Коль скоро Игоревичей убили, значит, их зверства — реальны. Раз Романовичей пощадили, их отец не был изувером.

Большинство биографов Романа Мстиславича смущало то обстоятельство, что *Галицко-Волынская летопись* начинается с событий, последовавших за смертью князя. Здесь, в историческом труде, заказанном его сыновьями, казалось бы, и должно было помещаться «истинное» его жизнеописание. Однако, ничего кроме витиеватого и малосодержательного панегирика князю (к тому же, явно вставного в первоначальный текст) *Галицко-Волынская летопись* не содержит. Это казалось неестественным. Предполагали: не оказалось ли утраченным начало летописи, а вместе с ним — и рассказ о Романи? В самом деле, между последним годом *Киевской летописи* — 1198 — и первым событием *Галицко-Волынской летописи* — 1205 — оказывается лакуна, точно соответствующая времени наивысшего взлета Романа, его галицкого княжения, которое, словами А. Горовенко, «проносится ярким болидом на мрачном фоне упадка и разложения русской государственности»¹³.

Глава 3 второй части рецензируемой книги — «Галицко-Волынская летопись», происхождение ее хронологизированной редакции и «пропавший» рассказ о княжении Романа» (с. 191–208) — полемизирует с теми из историков, кто предполагал, что повествование о Романи существовало, но не дошло до нас.

Здесь читатель найдет много информации, полезной и не очень. Ему расскажут, какие списки *Ипатьевской летописи* существуют (по имени названо

12 Комментируя зверства Романа, А. Горовенко пишет: «Если рассматривать данный рассказ Галицко-Волынской летописи [...], то вся соль его заключается в том, что изгнанников было *ровным счетом двое* [курсив автора — А.Т.]», то есть, двое Кормильичей (с. 170). Если бы А. Горовенко аналогичным образом прокомментировал зверства Игоревичей, то оказалось бы, что убитыми названы равным счетом двое бояр (Юрий Витанович и Илья Щепанович), а в бегах оказалось только трое — Володислав Кормильич, Судислав и Филипп (*ПСРЛ* 2: 724).

13 Трудно понять, откуда возник образ «яркого болида». *Хроника* Кадлубка обрывает рассказ на зверствах Романа в Галиче, а *Галицко-Волынская летопись* начинается с его смертью. В *Синодальном списке Новгородской первой летописи* нет известий о Романи за это время (только в младшем изводе, находим одно — о походе на половцев и пострижении Рюрика под 1203 г.). Только *Лаврентьевская летопись* содержит известия за период галицкого княжения Романа. Список не впечатляет: под 1202 г. отмечена война между Рюриком Ростиславичем и Романом и захват Романом Киева; под тем же годом — поход Романа на половцев; под 1203 — еще одна война между Романом и Рюриком, в результате которой Рюрик получил назад Киев; под 1204 г. — целование креста Романа и Ольговичей ко Всеволоду Юрьевичу; под 1205 г. — совместный с Рюриком поход на половцев и пострижение семьи Рюрика; под тем же годом (только в *Радзивилловском списке*) — еще одно целование Ольговичами креста ко Всеволоду Юрьевичу и Роману; наконец, под 1206 г. — известие о катастрофическом походе в Польшу и гибели Романа. Итак: две междоусобные войны, два похода на половцев, два крестоцелования. Вполне заурядное досье для любого князя. Как ни крути, без кровавых расправ (из Кадлубка) яркий образ не получается.

два — *Ипатьевский* и *Хлебниковский*) и как был определен их возраст (по водяным знакам). Здесь же автор упрекает писавших до него за то, что «представление об «Ипатьевской летописи» становится совершенно метафизическим, она понимается уже не как определенная рукопись и даже не как гипотетический общий протограф, а как некая *совокупность списков* [курсив автора — *А.Т.*]» (с. 192). Иной бы читатель мог возразить, что «совокупность списков», то есть реально сохранившихся и непосредственно доступных опыту рукописей, не может быть метафизической, а вот «гипотетический общий протограф», напротив, как раз и есть таковым. Но такой опасности нет: глава рассчитана на читателя, обладающего самыми общими знаниями о предмете. Поэтому процесс сложения летописей автор наглядно демонстрирует на примере пушкинского «Бориса Годунова» (с. 194).

Нужно сказать, что немногочисленные теоретические рассуждения автора, как правило, крайне неудачны по тону. Так, полемизируя с неназванными сторонниками возможности расщепить текст *Галицко-Волынской летописи* соответственно этапам сложения текста, он отмечает:

Вырванный из контекста рассказ немедленно превращается в рассказ *умерщвленный* [курсив автора — *А.Т.*]. Если историк принадлежит к числу эпигонов Шахматова, он и дальше обращается с текстом злосчастного рассказа точно также, как убийца с трупом: принимается его *расчленять* (с. 229).

Вероятно, увлеченность Романом Мстиславичем не проходит даром.

Уже привычно для нас, А. Горovenko суров по отношению к предшественникам: А.А. Шахматов «находился под гипнозом»; М.Д. Приселков позволял себе «анекдотически нелепые концепции»; Д.С. Лихачев «досадно пошел на попятную» и т.д. Только с М.С. Грушевским (труды которого, как ему кажется, «замалчивают») А. Горovenko чувствует солидарность, находя слова сдержанного одобрения. По мере чтения книги, нарочитая заносчивость автора становится все более монотонной и комичной.

Автор сетует, что все издания *Ипатьевской летописи* были выполнены по старейшему, собственно *Ипатьевскому*, списку и тем вводят читателей *Галицко-Волынской летописи* в заблуждение. Следовало бы издавать по *Хлебниковскому*. А. Горovenko, оказывается, не знает, что его рекомендации уже давно выполнены и летопись дважды издана именно по *Хлебниковскому* списку¹⁴.

В остальном, глава посвящена доказательству мысли, что существующая ныне в *Ипатьевском* списке хронологическая сетка — поздняя и искусствен-

14 *Галицко-Волыньский літопис. Дослідження. Текст. Коментар.* За ред. М.Ф. Котляра. К., 2002. Это, впрочем, словами А. Горovenko, книга, изданная «за границей и к тому же на украинском языке». Но он не знает и об аналогичном издании, вышедшем в России: *Галицко-Волыньская летопись. Текст. Комментарий. Исследование.* Сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; под ред. Н.Ф. Котляра. СПб: Алетейя, 2005.

ная; следовательно в изначальном своем виде (лучше отраженном в *Хлебниковском* списке) *Галицко-Волынская летопись* представляла собой нерасчлененное на погодные статьи повествование. Эта мысль не нова, она высказана была еще открывателем летописи Н.М. Карамзиным (благоразумно упрятанным А. Горovenko в примечания), а М.С. Грушевский даже советовал каждому, пользующемуся II томом *Полного собрания русских летописей*, попросту «повычеркивать, дабы не ошибаться, все года и вписать пропущенные в Ипатьевском тексте переходные фразы из вариантов Хлебниковского кодекса». Взгляд на *Галицко-Волынскую летопись* как произведение иного, чем летописи, жанра, в общем, может считаться общепринятым. Известные со времен работ А.С. Орлова и выявленные в последнее время заимствования, скрытое цитирование, стилистическая и лексическая имитация хронографической литературы оставляют мало сомнений в том, что образцами для автора (или авторов) *Галицко-Волынской летописи* были скорее Иосиф Флавий и Иоанн Малала, чем летописцы предшествующего столетия¹⁵. Именно эта несхожесть с погодными летописями побудила некоторых исследователей, в частности Н.Ф. Котляра, предполагать, будто *Галицко-Волынская летопись* возникла как серия сюжетных «повестей», впоследствии объединенных в единое целое. Это мысль спорная, но здесь А. Горovenko не спорит: эти работы¹⁶ остались ему также неизвестными, как, собственно, и вся литература последнего времени. Наиболее «свежая» из упомянутых в этой главе публикаций — книга Д.С. Лихачева 1947 г., и сражается А. Горovenko с мнениями полувековой давности.

Обсуждая хронологию *Ипатьевского* списка, автор делает немало интересных и верных наблюдений. Да вот беда: он не знает, что весь этот труд уже проделан и опубликован другими людьми, обстоятельнее и с гораздо большей тщательностью¹⁷. Читателю этой главы можно дать совет в стиле

-
- 15 Об этом см., например, нецитируемые А. Горovenko работы последнего времени: Творогов О.В. *Древнерусские хронографы*. М., 1975, 12–28, 58–61; Пауткин А.А. Южнорусские летописцы XIII в. и переводная историческая литература. *Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 9*. М., 1998, 130–132; Вилкул Т.Л. О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija* (Vilnius, 2006), 17–28; Вилкул Т.Л. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии. *Palaeoslavica* XVII, 2 (2009), 65–86; Толочко А. П. О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве. *Ruthenica*, V (2006), 252–256; Толочко А.П. Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. 2007–2009. Вып. 9. Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2012, 28–36.
- 16 См., например: Котляр М.Ф. *Галицко-Волынский летописец XIII ст.* К., 1993; сокращенный русскоязычный вариант см.: Котляр Н.Ф. *Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности)*. *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1995 г.* М., 1997.
- 17 См.: Романова О.В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку. *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Мат. конф.* Новгород, 1997, 67–69; Романова О.В. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод. *Опыт по источниковедению: Древнерусская книжность. Сборник в честь В.К. Зиборова*. СПб, 1997, 59–66; Толочко А.П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи, *Palaoslavica* XIII, 1 (2005), 81–108.

Грушевського: вычеркнуть весь дальнейший текст, вписав на освободившееся место ссылки на литературу¹⁸.

Тот же совет оказался бы полезен и для читающего следующую главу: «Почему не был написан рассказ о княжении Романа в Галиче (к вопросу об этапах формирования современной структуры Ипатьевской летописи)» (с. 209–237). Ответ автора сводится к тому, что традиционных летописей в Галицко-Волынской Руси не существовало, а дошедший до наших дней текст представляет собой жизнеописание Даниила Романовича. Оно было составлено ретроспективно, через много лет после описываемых событий. Автор выделяет два этапа: собственно составления жизнеописания («где-то около 1263 г.») и редактуры «в момент присоединения жизнеописания Даниила Романовича к Киевскому своду, что произошло не ранее 1269 г.» (с. 235).

Для доказательства этой своей мысли автор делает множество наблюдений, частью совершенно верных, но преимущественно уже сделанных и известных. Кроме работ А.Н. Ужанкова, по какой-то случайности попавших ему под горячую руку, А. Горовенко не знает ни одного исследования о *Галицко-Волынской летописи*, вышедшего за последние 60 лет. Ему неизвестны две книги А.И. Генсёрского¹⁹, где А. Горовенко обнаружил бы практически все свои находки, включительно с датой (1269 г.) окончательной редакции «галицкой» части; он не выдает знакомства с работами лингвистов, определявших лингвистически внятный рубеж в тексте *Галицко-Волынской летописи*²⁰; ему неизвестны ни обзорные работы²¹, ни многочисленные исследования частных сюжетов летописи.

Способность автора приходить подчас к здравым выводам при таком минимальном оснащении, разумеется, вызывает уважение к его природным способностям. Но вообще-то историков обучают работать по-другому. Их, например, учат, что знание литературы предмета есть непременным условием научных занятий. Это не педантизм: считается, что литературе нужно

18 Впрочем, кое-что новое из этой главы все же узнаем. Так, например, А. Горовенко полагает, будто проставленная в *Ипатьевском* списке дата смерти Романа (1201) не могла возникнуть ранее середины XIV в. До этого времени были живы его потомки, они знали дату, так как она необходима была для поминовения князя (с. 198). То, что для церковного поминовения необходимо знать именно год смерти, а не календарную дату — открытие несомненное, прежде не встречавшееся. Вероятно, А. Горовенко не имеет представления о помянниках и их содержании.

19 Генсёрский А.И. *Галицко-Волыньський літопис (Процес складання, редакції і редактору)*. К., 1958; Генсёрский А.И. *Галицко-Волыньський літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)*. К., 1961.

20 Dmytro Chyzhevsky, "Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik," *Südostforschungen* 12 (1953), 79–109; Dean S. Worth, "Linguistics and Historiography: A Problem in Dating in the Galician-Volhynian Chronicle," *On the Structure and History of Russian: Selected Essays* (München, 1977), 221–235; Dean S. Worth, "Phraseology in the Galician-Volhynian Chronicle: A Study in Distribution Stylistics," *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US* 8, 1–2 (New York, 1960), 55–69; Daniela Hristova, "Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle," *Russian History/Histoire Russe* 33 (2-3-4), 313–331.

21 Напр.: Толочко П.П. *Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст.* К., 2005, 287–346.

знать и на нее ссылаться по нескольким причинам. Во-первых, это документирует знание, его происхождение и достоверность. Во-вторых, это способ интеграции собственного вклада в обширные массивы знания, унаследованные от предшественников, его контекстуализация. В-третьих, взаимодействие с идеями и наблюдениями коллег, их (идей) обсуждение и реакция на них, считаются элементами нормального ведения дискуссий. Наконец, полагают, что знание литературы способствует экономности в научных занятиях: не нужно заново выполнять работу, уже сделанную. Таким образом определяют, в каких областях возможен прирост знания и с какого рубежа следует начинать движение вперед. Все это, разумеется, ограничено. Следование им, однако, кроме задачи социализации ученого, имеет еще и практический смысл. Наука исходит из того, что порядок бьет класс. Правильные и контролируемые процедуры с гораздо большей вероятностью обеспечивают достоверность результатов, чем индивидуальные интуиции.

Немаловажен, разумеется, и этический момент. Научный аппарат придуман не только для того, чтобы пинать предшественников. В первую очередь он призван отмечать приоритет. Идеи не возникают сами по себе, кто-то впервые предлагает их. Наблюдения, выводы, открытия представляют собой интеллектуальную собственность, они кому-то принадлежат. Пользоваться чужой собственностью наука позволяет, но при соблюдении некоторых условий, одним из которых есть точное указание на происхождение.

В науке, чьей конечной задачей есть поиск нового знания, повторение чужих и давно известных результатов не считается достижением. Это, в общем, холостой выстрел. В жизни, конечно, встречается сплошь и рядом, но по возможности, таких неловкостей пытаются избегать. Если бы А. Горovenко пришлось в голову опубликовать только собственные, оригинальные, не встречавшиеся в литературе наблюдения, пухлый том его книги превратился бы в скромную брошюру, заполненную отрывками с однотипными заглавиями «к вопросу о...»

«До сих мест», как сказал бы летописец, мы исходили из презумпции искреннего невежества автора. Но чтение главы 8 второй части — «Меч Романа Галицкого: история одной легенды» (с. 294–303) заставляет усомниться в невинности его намерений. Глава посвящена известному эпизоду из *Истории Российской* В.Н. Татищева о папском посольстве к Роману с предложением принять католичество и протекцию святого престола. А. Горovenко совершенно справедливо обосновывает подложность этого текста. Он только забывает сообщить своему читателю, что этот эпизод, и с тем же выводом, уже был достаточно подробно рассмотрен в моей книге о Татищеве, вышедшей в 2005 г.²² Даже если А. Горovenко по каким-то причинам оказался не-

22 См.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005, 469–477.

удовлетворен моим анализом, следовало бы указать на прецедент. Но А. Горovenko воспроизводит всю мою аргументацию и даже ее последовательность, не добавляя ровным счетом ничего нового. Можно было бы счесть это удивительным и редким совпадением, когда бы не одно обстоятельство: моя книга хорошо ему известна и в других местах он не стесняется ссылаться на нее. Правда, ссылки эти своеобразного, нам уже знакомого, свойства: там, где суждения А. Горovenko о Тагищеве, его источниках или известиях близки или буквально совпадают с наблюдениями моей книги, ссылок не найти²³. Зато там, где, как ему кажется, я допустил оплошность, он дерзит. В общем, знакомые симптомы²⁴. Но довольно *pro domo sua*.

В свете последних замечаний совершенно иначе предстает поразительная «удачливость» А. Горovenko: умение угадывать идеи и наблюдения якобы нечитанных им авторов. Не будем морализаторствовать: каждый пишет, как он дышит. Но с этого момента обсуждение книги теряет всякий смысл²⁵. Автор, словами летописца, «от многого малое собрал». Здесь уместнее было бы текстологическое *расчленение*. Но мы ограничимся тем, что предупредим читателя.

Алексей Толочко

23 Более того, для маскировки заимствования некоторые из наблюдений, сделанных мною в главе о Романе, А. Горovenko переносит в другие главы своей книги. Так, одним из маркеров подложности сообщения о папском посольстве Роману я предложил считать редкое для летописей слово *проторь* в характерном для Тагищева значении «убытки» (Толочко А.П. *История Российская» Василия Тагищева: источники и известия*, 472 и прим. 174). То же самое наблюдение делает и А. Горovenko, но почему-то в предыдущей главе (с. 290).

Вот другой пример невероятного совпадения. Пытаясь объяснить, почему Тагищеву осталась неизвестной *Галицко-Волынская летопись*, притом, что в его руках были списки типа *Хлебниковского*, я предположил, что виной тому, среди прочего, большой — в *Ермолаевском* списке полных 3 листа — пропуск между Киевской и Галицко-Волынской частями. Тагищев, либо писец, изготавливавший по его указаниям копию, могли счесть, что после пропуска начинается какой-то другой памятник (Толочко А.П. *История Российская» Василия Тагищева: источники и известия*, 111–116). Поразительно, но те же наблюдения и почти в тех же словах находим у А. Горovenko на с. 293! Для того, чтобы объяснить свою мысль мне потребовалось 5 страниц. Блистательный А. Горovenko проделывает то же самое в четырех фразах!

Подобных «досадных» совпадений я насчитал довольно много, но не стану утомлять читателя их перечислением.

24 Я, разумеется, не проводил фронтального сопоставления, но, подозреваю, многие коллеги могли бы узнать собственные находки в книге А. Горovenko. Только один пример: автор прекрасно ориентируется в репертуаре хронографических заимствований в *Галицко-Волынской летописи*, но не раскрывает источник своей осведомленности. Таковым, надо думать, есть статья А.А. Пауткина «Южнорусские летописцы XIII в. и переводная историческая литература», содержащая довольно полную сводку фрагментов или, скорее, глава из его книги (Пауткин А.А. *Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания*. М., 2002, 213–238). Благодарность А. Горovenko своеобразна: он развязно критикует А.А. Пауткина за другую работу (с. 334, прим. 21 и 32).

25 Я действительно первоначально собирался *bona fide* объяснить, почему праведный гнев А. Горovenko по поводу некоторых моих наблюдений (в том числе и в специально уделенном мне приложении) лишен основания. Вынужден теперь воздержаться от разговора: добросовестность предполагается обоюдная.